

Возрастные изменения личностных черт у подростков: обзор литературы¹

О.А. Ахметова

научный сотрудник ФГБУ «НИИ физиологии и фундаментальной медицины» СО РАМН
Новосибирский государственный университет

Е.Р. Слободская

доктор психологических наук, главный научный сотрудник ФГБУ «НИИ физиологии и фундаментальной
медицины» СО РАМН, Новосибирский государственный университет

В настоящем обзоре обобщены результаты эмпирических исследований о том, как меняется средний уровень личностных черт Большой пятерки на протяжении подросткового возраста. Большинство данных указывает на то, что открытость, сознательность, уступчивость и экстраверсия растут, а нейротизм — снижается. Нормативные изменения уровня личностных черт отражают возрастание психологической зрелости и приспособленности и связаны с решением основных задач развития в этот период. В некоторых случаях (как правило, у подростков младшего и среднего возраста) могут возникать негативные паттерны, отражающие специфические трудности подросткового возраста. В основе нормативных изменений личностных черт лежат процессы биологического созревания, социализации и контекстуальные факторы. Подростковый возраст является сенситивным для формирования как адаптивных, так и неадаптивных паттернов развития.

Ключевые слова: подростки, личностные черты, Большая пятерка, изменения среднего уровня, нормативные изменения.

К настоящему времени исследователи психологии личности пришли к согласию об иерархической структуре личностных черт [7; 15; 16]. Наибольшее эмпирическое подтверждение получила пятифакторная модель (Five-Factor Model), или Большая Пятерка (Big Five), которая устойчиво воспроизводится в разных странах [5; 7; 16].

Большая пятерка включает пять факторов личности: экстраверсию (extraversion), нейротизм (neuroticism), уступчивость (agreeableness), сознательность (conscientiousness) и открытость опыту (openness to experience) [5; 7; 15; 16]. Каждый из этих факторов объединяет несколько черт среднего уровня (фасетов), что позволяет провести более детальное описание личности [5; 15; 16]. Так, экстраверсия включает общительность, положительные эмоции, поиск впечатлений, активность и другие черты. Компонентами нейротизма являются тревожность, ранимость, застенчивость, гневливость, враждебность. Уступчивость включает отзывчивость, сочувствие, альтруизм, мягкосердечие и др. Сознательность объединяет такие черты, как организованность, ответственность, стремление к достижениям, самоконт-

роль/импульсивность. Открытость опыту включает сообразительность, пронизательность, любопытство, воображение, фантазию, эстетику, креативность и др. [5; 7]. Установлено, что личностные особенности подростков образуют пятифакторную структуру, сходную с взрослой, а подростковые самоотчеты являются надежным методом изучения личностных черт [3; 8; 10; 16; 17].

Последние исследования продемонстрировали непрерывность развития и определенную устойчивость личностных черт Большой пятерки [5; 7]. Установлено также, что их выраженность меняется с течением времени и направление этих изменений сходно у большинства людей в популяции, что позволяет рассматривать их в качестве нормативной динамики развития личности. Нормативные изменения или, иначе, изменения среднего уровня (mean-level change) демонстрируют, насколько средний уровень какой-либо черты стал выше или ниже за определенный промежуток времени. Эмпирическими исследованиями показано, что начиная с подросткового возраста и на протяжении взрослости уступчивость, сознательность и открытость опыту в целом возраста-

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 11-06-00517 и РФФИ № 13-06-00156.

ют, нейротизм снижается, а паттерны изменения экстраверсии неоднородны: черты, относящиеся к сфере социального доминирования (*social dominance*), возрастают, а черты, относящиеся к социальной энергичности (*social vitality*), сначала возрастают, а затем снижаются [5; 7; 16; 22]. Эти паттерны нормативных изменений получили название «принцип зрелости» (*maturity principle*) [5]. Согласно этому принципу, изменения в выраженности личностных черт направлены на достижение все большей психологической зрелости, что способствует реализации роли взрослого в основных сферах жизни (семья, работа, общество). В основе нормативных изменений лежат процессы биологического созревания, социализации, а также контекстуальные факторы [5; 7; 16; 22].

Большинство исследований нормативных изменений личностных черт Большой пятёрки проведено во взрослых выборках, исследований подростков гораздо меньше [3; 5; 13; 17; 21]. Между тем подростковый период является значимой стадией развития, когда быстрым физическим и нейрокогнитивным изменениям [6; 31; 32] сопутствуют существенные перемены в психологической и социальной сферах [2; 9; 27; 33]. Наиболее заметные аспекты психологического развития подростков — это возрастание интеллектуальных возможностей и компетентности, самоопределение и формирование идентичности. Ключевые аспекты социального развития — перестройка взаимоотношений с родителями и сверстниками и возрастание общественных влияний [1; 2; 9; 27; 33]. Нейробиологические исследования продемонстрировали дисбаланс центральной нервной системы подростков, при этом специфические структурные и функциональные изменения в некоторых отделах головного мозга (ГМ) являются решающими для овладения навыками саморегуляции, лежащими в основе приспосабливания [9; 27; 28; 30; 31].

Существует предположение, что многие из нормативных изменений, происходящих в подростковом возрасте в биологической и психосоциальной сферах, а также трудности этого этапа развития (эмоциональная неустойчивость, склонность к риску и др.) находят отражение в изменениях личностных черт подростков [13; 17; 29]. Следует отметить, что имеющиеся сведения неоднородны [4; 10; 17; 21; 25]. Наиболее сходные результаты получены в отношении *открытости опыту*: рост этой черты у подростков показан и в срезовых [3; 8; 25; 26; 29], и в продолжительных исследованиях [4; 13; 17; 21]. Мета-анализ продолжительных исследований также выявил тенденцию к росту открытости опыту в период от 10 до 18 лет [22].

Открытость опыту (или открытость) включает две основные сферы: черты, относящиеся к когнитивным способностям (сообразительность, тяга к знаниям и др.), и черты, относящиеся к открытости новым идеям и впечатлениям (фантазия, креативность и др.) [5; 7]. Полагают, что рост открытости отражает возрастающие когнитивные способности подростков [32; 33], однако не ограничивается этим.

Анализ динамики черт среднего уровня, образующих открытость, показал, что наряду с интеллектуальными интересами возрастают и эстетические способности, способности понимать настроение и эмоции, а также терпимость к альтернативным ценностям [17; 25; 26; 29]. Установлено также, что открытость тесно связана с моральными суждениями, развитием идентичности и «я-концепции» [17; 20]. Действительно, одной из задач развития в подростковом возрасте является формирование идентичности и создание целостного «Я», гармонично сочетающего различные элементы личности [1; 2; 9; 33].

Есть единичные сведения о снижении открытости у младших подростков [10; 29]. Так, в срезовом исследовании снижение открытости наблюдали в позднем детском и младшем подростковом возрасте, а в дальнейшем отмечался рост этой черты [29]. В продолжительном исследовании достоверный рост открытости начинался со среднего подросткового возраста [21]. Эти данные согласуются со сведениями о снижении самооценки у младших подростков, которая впоследствии возрастает и становится все более стабильной [2; 33].

Высокое сходство результатов получено и в исследованиях динамики нейротизма. *Нейротизм* (или отрицательная эмоциональность) отражает степень переживания отрицательных эмоций и эффективность их регуляции; противоположный полюс этой черты носит название «эмоциональная устойчивость» [5; 7]. Установлена положительная связь нейротизма с эмоциональными проблемами [5; 14; 23; 24; 26]. Большинство авторов показали снижение этой черты на протяжении подросткового возраста [10; 13; 18; 21; 22; 29]. Так, в срезовом исследовании уровень нейротизма у подростков 14–17 лет был ниже, чем у детей 8–11 лет [18]. В продолжительных исследованиях продемонстрировано последовательное снижение нейротизма от младшего к среднему, а затем и к старшему подростковому возрасту [13; 21]. Мета-анализ также выявил значимое снижение нейротизма с 10 до 18 лет [22].

Однако есть сведения о росте нейротизма и ряда составляющих его черт у младших подростков разного пола. Например, в продолжительном исследовании выявлено значимое повышение нейротизма у девочек младшего подросткового возраста [17]. В другой работе фасеты нейротизма «депрессия» и «тревожность» у девочек возрастали от позднего детского к среднему подростковому возрасту, а затем снижались; у мальчиков «депрессия» возрастала от позднего детского к среднему подростковому возрасту, а «тревожность» снижалась в течение всего подросткового возраста [29].

Действительно, подверженность отрицательным эмоциям и эмоциональная неустойчивость являются заметными характеристиками подростков [2; 32]. Отрицательные эмоциональные состояния чаще отмечают у младших подростков, а также у девочек [27; 28]. Согласно эпидемиологическим исследованиям, в подростковом возрасте отмечается рост эмо-

циональных проблем (например, тревоги, депрессии), особенно у лиц женского пола [1; 24]. Полагают, что девочки, в отличие от мальчиков, больше испытывают психологические и социальные трудности, обусловленные началом пубертата, негативным самовосприятием, влиянием гендерных стереотипов и ожиданий и др. [2; 33]. Есть сведения, что нейротизм у девочек-подростков выше, чем у мальчиков того же возраста [13; 17].

Современными нейробиологическими исследованиями установлено, что с началом пубертата существенно возрастает активность подкорковых структур ГМ, ответственных за оценку социальных и эмоциональных стимулов (лимбическая система), тогда как области, отвечающие за саморегуляцию и когнитивный контроль (префронтальная кора ГМ), достигают зрелости существенно позже. Этот дисбаланс в развитии двух систем ГМ отчасти объясняет эмоциональную неустойчивость подростков, особенно младшего возраста [6; 9; 30; 32]. Предполагается также, что подростки более чувствительны к отрицательным стимулам и стрессогенным факторам, чем дети и взрослые [30]. В то же время возрастающая потребность в дружеских отношениях и освоение новых социальных ролей способствуют росту эмоциональной устойчивости [13; 32]. Таким образом, сведения об особенностях эмоционального и социального развития подростков согласуются с данными о снижении нейротизма на протяжении этого возраста; хотя у части подростков (как правило, младшего возраста и у девочек) нейротизм может повышаться в силу биологических особенностей и/или психосоциальных факторов.

Встречаются данные и о стабильном уровне нейротизма на протяжении подросткового периода [4; 25; 26]. При этом значимые различия могут обнаруживаться по чертам среднего уровня. Например, у подростков 13–15 лет по сравнению с молодыми людьми 18–20 лет были выше фасыеты нейротизма «гневная враждебность» (angry hostility) и «уязвимость/ранимость» (vulnerability), тогда как в целом выраженность нейротизма не различалась [25].

Несколько меньше сходства наблюдается в исследованиях динамики сознательности, уступчивости и экстраверсии. *Сознательность* характеризует поведенческий и когнитивный контроль и описывает различия в аккуратности и самодисциплине [5; 7]. В некоторых работах показан рост сознательности в подростковом возрасте [4; 18; 25; 26]. Например, в срезовом исследовании у молодых людей 18–20 лет по сравнению с подростками 13–15 лет был выше уровень сознательности и всех ее фасыетов; наибольшие различия касались самодисциплины (self-discipline), обязательности (dutifulness), компетентности (competence) и стремления к достижениям (achievement striving) [25]. В продолжительном исследовании сознательность возрастала от младшего к среднему подростковому возрасту [4].

Однако есть сведения о снижении сознательности, в основном у подростков младшего и среднего

возраста [3; 10], а также о нелинейных паттернах изменений в зависимости от возрастной группы и пола [13; 29]. Например, в одном срезовом исследовании сознательность и все ее фасыеты снижались от позднего детского до среднего подросткового возраста, а затем возрастали [29]. В одном продолжительном исследовании у мальчиков наблюдалось снижение сознательности от младшего к среднему подростковому возрасту, тогда как у девочек уровень сознательности был стабилен [13]. И наконец, мета-анализ продолжительных исследований [22], а также несколько других лонгитюдных работ, не вошедших в этот мета-анализ [17; 21], не выявили достоверных изменений среднего уровня сознательности у подростков.

Полагают, что сознательность связана с процессами саморегуляции и отражает в большей степени волевой контроль над поведением [5]. Показано, что ряд компонентов сознательности (например, самоконтроль, осмотрительность) обратно пропорционально связаны с импульсивностью [7; 11; 19]. Имеющиеся сведения о росте сознательности у подростков согласуются с данными о возрастной динамике импульсивности, которая последовательно снижается от детского к взрослому возрасту [31]. В нейробиологических исследованиях также получены данные о длительном созревании префронтальной коры ГМ, ответственной за контроль над побуждениями и достигающей полной зрелости у взрослых [6]. Таким образом, рост сознательности может частично объясняться биологическими причинами.

Помимо этого, сознательность положительно связана с успехами в учебе и в профессиональной деятельности [5; 20]. В подростковом возрасте характер учебной деятельности существенно перестраивается. Отношение к учебе как к необходимому и важному условию подготовки к будущей самостоятельной жизни становится все более осознанным. Усложнение учебной деятельности, возрастающие социальные ожидания, освоение новых социальных ролей требуют от подростков большей организованности, ответственности, дисциплины и т. п. [9; 13; 27; 29]. Можно полагать, что эти изменения тоже способствуют росту личностных черт, относящихся к сфере сознательности [13].

Низкая сознательность связана с поведенческими проблемами, например, с антисоциальным поведением, употреблением психоактивных веществ и др. [5; 11; 19; 20; 23]. Действительно, склонность к нарушению социальных норм и запретов является одной из наиболее заметных характеристик поведения подростков, особенно младшего и среднего возраста [2; 9; 33]. Поэтому данные о снижении сознательности в этих возрастных группах подростков согласуются со сведениями о распространенности поведенческих проблем, которые к среднему подростковому возрасту достигают максимума, а затем снижаются [1; 24; 33]. Показано, что у большей части подростков с поведенческими проблемами эти трудности носят временный характер и ограничиваются отрочеством и лишь у некоторых проблемы с поведением начинают

ся раньше, продолжают в течение всего подросткового периода и сохраняются в дальнейшем. Полагают, что в первом случае существенный вклад вносят средовые факторы (например, влияние сверстников), а во втором, важную роль играет биологическая предрасположенность, которую усугубляет воздействие неблагоприятной среды [1; 33].

Таким образом, общая тенденция к росту сознательности по мере взросления на некоторых этапах развития может сопровождаться снижением уровня этой черты в силу биологических и социальных факторов. Это подтверждают сведения о нелинейной динамике сознательности [13; 29]. Противоположная динамика сознательности на разных этапах подросткового периода может приводить к тому, что при изучении всего возрастного диапазона будет наблюдаться отсутствие значимых различий [29].

Уступчивость (или, иначе, согласие) характеризуют хорошие отношения к другим людям и просоциальное поведение [5]. Многими авторами показан рост уступчивости у подростков. Например, в одном срезовом исследовании у подростков 14–17 лет уступчивость была выше, чем у детей 8–11 лет [18]. В другом срезовом исследовании уступчивость и все ее фасеты были выше у молодых людей 18–20 лет по сравнению с подростками 13–15 лет; наблюдаемый эффект по большей части объяснялся такими чертами среднего уровня как альтруизм (altruism), покладистость (compliance) и скромность (modesty) [25]. В одном продолжительном исследовании уступчивость возрастала от младшего к среднему подростковому возрасту [4], а в другом — последовательно возрастала во всем возрастном диапазоне подросткового возраста [13].

В единичных работах наблюдалось снижение уступчивости [3], а некоторые авторы выявили смешанные паттерны динамики этой черты у подростков [21; 29]. Так, в срезовом исследовании уступчивость снижалась в позднем детском и в младшем подростковом возрасте, а затем возрастала [29]. В продолжительном исследовании снижение уступчивости наблюдалось только у младших подростков, а в среднем и старшем возрастах выраженность этой черты существенно не менялась [21]. Стабильный уровень уступчивости показан и другими авторами. Например, в срезовом исследовании не было достоверных различий в выраженности уступчивости у подростков 11–14 и 15–18 лет [26]. В продолжительных исследованиях выраженность уступчивости существенно не менялась от старшего детского к младшему подростковому возрасту [10] и от младшего к среднему подростковому возрасту [17]. Мета-анализ продолжительных исследований также не выявил достоверных изменений среднего уровня уступчивости на протяжении подросткового периода [22].

Установлено, что уступчивость отражает индивидуальные различия в способности и стремлении поддерживать гармоничные взаимоотношения с другими людьми [5; 7; 20]. В подростковом возрасте одна из наиболее заметных характеристик — это расширение социальных контактов. Ключевое значение в

жизни подростков приобретают взаимоотношения со сверстниками, возникает потребность в близких друзьях, доверительных отношениях [2; 27; 33]. Существенным фактором приобретения друзей является умение устанавливать и поддерживать позитивные связи. Кроме того, согласно опросам самих подростков, дружелюбие и умение ладить с другими — важные критерии популярности [2; 33]. Поэтому сведения о росте уступчивости у подростков согласуются с данными о происходящих изменениях в сфере социальных взаимоотношений. Отсутствие изменений в выраженности уступчивости, показанное в ряде работ, соответствует данным, что просоциальное поведение относительно стабильно в течение школьного возраста и ранней взрослости [5].

Наряду с просоциальными характеристиками уступчивость включает и такие черты, как антагонизм, упрямство и гнев/раздражительность, связанные с нейротизмом. Уступчивость также связана и с сознательностью: оба фактора включают элементы контроля или торможения (inhibition) [5]. Действительно, уступчивость, как и сознательность, отрицательно связана с поведенческими проблемами [5; 12; 14; 19; 20; 23; 26]; а поведение лиц с низкой уступчивостью часто противоречит принятым общественным нормам [7; 11].

У детей и подростков уступчивость также показывает, насколько ребенок послушен и поддается воспитанию. Низкая уступчивость связана с конфликтностью и деструктивными способами урегулирования конфликтов [5]. Действительно, конфликты с родителями достаточно распространены среди подростков вследствие усиливающегося стремления к автономии и независимости [2; 27; 33]. Таким образом, снижение уступчивости у некоторой части подростков может указывать на такие возрастные трудности, как склонность к отрицательным эмоциям, недостаточная зрелость навыков саморегуляции, конфликтность и проблемы с поведением, о которых говорилось выше. Следует отметить, что эти трудности, как правило, наблюдаются у младших подростков, и может быть поэтому большинство данных о снижении уступчивости получено именно в этой возрастной группе.

Экстраверсия (или положительная эмоциональность) отражает индивидуальные различия в энергичности и стремлении к социальным контактам [5; 7; 16]. В продолжительных исследованиях показан рост экстраверсии у подростков младшего и среднего возраста [13; 21]. Мета-анализ продолжительных исследований также выявил значимое повышение экстраверсии в подростковом возрасте [22]. Однако есть единичные сведения, что у старших подростков экстраверсия ниже, чем у более младших [18; 29]. Например, в одном срезовом исследовании экстраверсия значительно снижалась в младшем и среднем подростковом возрасте, а в старшем существенно не менялась [29].

Эти, на первый взгляд, противоречивые сведения, могут указывать на то, что динамика экстраверсии

неоднородна [29]. Так, во многих работах показаны различные паттерны изменения экстраверсии в зависимости от возраста и пола подростков, а также от компонентов самой экстраверсии [4; 8; 13; 25]. Например, в одном продолжительном исследовании у мальчиков экстраверсия снижалась, а у девочек сначала возрастала, а затем снижалась [4]. В одном срезовом исследовании фасет экстраверсии поиск возбуждения (excitement seeking) у подростков 13–15 лет был выше, а положительные эмоции ниже, чем у молодых людей 18–20 лет; хотя в целом выраженность экстраверсии достоверно не различалась [25]. Стабильный уровень экстраверсии у подростков показан и в других срезовых [3; 26] и продолжительных [10; 17] исследованиях: в широком возрастном диапазоне от 12 до 18 лет не было выявлено различий в уровне экстраверсии [3; 17].

Одним из основных компонентов экстраверсии является общительность [5]. Поэтому сведения о том, что в подростковом возрасте наблюдается рост фасетов экстраверсии, относящихся к сфере социальной энергичности (social vitality), например, общительности (sociability), положительных эмоций [22], как и экстраверсии в целом [13; 21], полностью соответствуют данным о возрастающем стремлении подростков к социальным контактам [2; 27; 33]. С этим согласуются и данные о снижении другого фасета экстраверсии — застенчивости (shyness) у подростков [13].

Важным аспектом экстраверсии является активность/энергичность [5; 16]. Установлена отрицательная связь двигательной активности с возрастом [5]. В одной из немногих работ, показавших снижение экстраверсии у подростков, авторы отметили, что полученный результат в существенной степени определяется активностью [29]. Показано, что у взрослых этот аспект экстраверсии проявляется в большей разговорчивости, энтузиазме и энергичности [5].

Другими заметными компонентами экстраверсии являются поиск возбуждения, чувствительность к вознаграждению и положительная эмоциональность [5; 7]. Накоплены убедительные доказательства повышенной чувствительности подростков к стимулам вознаграждения по сравнению с детьми и взрослыми; тинэйджеры часто ищут новые волнующие стимулы и ситуации [28; 30; 31]. Показано, что поиск вознаграждения (reward-seeking), измеренный в условиях эксперимента и с помощью самоотчетов, возрастал от младшего до среднего подросткового возраста, достигая максимума, а затем несколько снижался [31]. Сходный результат получен и по шкале поиска ощущений (sensation-seeking), максимальная выраженность которого отмечалась у старших подростков [30]. Значимым вознаграждением для подростков является популярность у сверстников и их одобрение [9]. Отмечается, что присутствие ровесников существенно влияет на принятие решений и поведение подростков [28; 32]. Установлена положительная связь чувствительности к вознаграждению, поиска возбуждения и сходных черт с рискованным

поведением и поведенческими проблемами у подростков [5; 11; 23]. Показано также, что склонность к риску в подростковом возрасте существенно выше, чем до и после этого периода [2; 6; 30; 31].

В целом имеющиеся данные указывают на нелинейную динамику экстраверсии. А отсутствие изменений в уровне экстраверсии, выявленное некоторыми авторами, может объясняться противоположной динамикой черт среднего уровня или более поздним началом значимых изменений, например в уровне черт, относящихся к социальному доминированию [22], и другими причинами.

Подводя итог литературным сведениям об изменениях среднего уровня личностных черт у подростков, можно отметить несколько основных моментов. Динамика черт Большой пятерки в подростковом возрасте исследована недостаточно, а имеющиеся данные отчасти противоречивы. Неоднородность сведений может быть обусловлена различиями методик, дизайна исследования, источника данных, возрастным и половым составом выборки, межкультурными различиями и т. п. [4; 10; 13; 21; 29].

Данные большинства исследований указывают на то, что в подростковом возрасте открытость, сознательность, уступчивость и экстраверсия растут, а нейротизм — снижается. Эти нормативные паттерны сохраняются в дальнейшем и отражают возрастание психологической зрелости и приспособленности [5; 7; 16; 22]. Многие из нормативных изменений личностных черт, происходящих в подростковом возрасте, связаны с решением основных задач развития в этот период жизни: рост открытости — с формированием идентичности; рост сознательности — с овладением навыками самоконтроля; рост уступчивости — с установлением близких взаимоотношений; рост экстраверсии — с реализацией потребности в общении и внимании со стороны сверстников; снижение нейротизма — с формированием навыков совладания с отрицательными эмоциями и трудностями повседневной жизни [13; 17; 29].

Сведения о неоднородной динамике ряда личностных черт в подростковом возрасте позволяют предположить, что эти нормативные изменения могут сопровождаться и негативными паттернами [13; 17; 29], отражающими специфические трудности этого возраста: конфликты с родителями, нарушение норм и запретов (снижение уступчивости), эмоциональная неустойчивость и депрессия (рост нейротизма), склонность к риску (рост экстраверсии и снижение сознательности) и др. [2; 9; 32; 33]. Трудности «переходного периода» отчасти объясняются созреванием нейрофизиологических систем, отчасти — воздействием факторов окружения [6; 9; 30; 31]. Таким образом, подростковый возраст является сенситивным для формирования как адаптивных, так и неадаптивных паттернов развития [32]. В целом большинство подростков благополучно проходят стадию «шторма и стресса» [33], однако в некоторых случаях «ненормативная» динамика личностных черт может являться сигналом неблагополучия [13; 16].

Литература

1. Гудман Р., Скотт С. Детская психиатрия. М.: Трида-Х, 2008. 405 с.
2. Психология подростка. Полное руководство / Под общ. ред. А.А. Реана. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 504 с.
3. Allik J., Laidra K., Realo A., Pullmann H. Personality development from 12 to 18 years of age: Changes in mean levels and structure of traits // Eur. J. Pers. 2004. V. 18. № 6. P. 445–462.
4. Branje S.J., van Lieshout C.F., Gerris J.R.M. Big Five personality development in adolescence and adulthood // Eur. J. Pers. 2007. V. 21. P. 45–62.
5. Caspi A., Shiner R.L. Personality development // Handbook of child psychology. Social, emotional, and personality development. 2006. V. 3. P. 300–365. New York: Wiley.
6. Casey B.J., Jones R.M., Hare T.A. The Adolescent Brain // Annals of the New York Academy of Sciences. 2008. V. 1124. P. 111–126.
7. Corr P.J., Matthews G. The Cambridge handbook of personality psychology. New York: Cambridge University Press, 2009. 850 p.
8. Costa P.T.Jr., McCrae R.R., Martin A.T. Incipient adult personality: the NEO-PI-3 in middle school-aged children // Brit. J. Dey. Psychol. 2008. V. 26. № 1. P. 71–89.
9. Crosnoe R., Johnson M.K. Research on adolescence in the twenty-first century // Annu. Rev. Sociol. 2011. V. 37. P. 439–460.
10. DeFruyt F., Bartels M., Van Leeuwen K.G. et al. Five types of personality continuity in childhood and adolescence // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. V. 91. № 3. P. 538–552.
11. Hong R.Y., Paunonen S.V. Personality traits and health-risk behaviours in university students // Eur. J. Pers. 2009. V. 23. № 8. P. 675–696.
12. Jones S.E., Miller J.D., Lynam D.R. Personality, antisocial behavior, and aggression: a meta-analytic review // J. Crim. Justice. 2011. V. 39. P. 329–337.
13. Klimstra T.A., Hale W.W., Raaijmakers Q.A. et al. Maturation of personality in adolescence // Journal of Personality and Social Psychology 2009. V. 96. P. 898–912.
14. Kotov R., Gamez W., Schmidt F., Watson D. Linking «big» personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: A meta-analysis // Psychological Bulletin. 2010. V. 136. P. 768–821.
15. Markon K.E. Hierarchies in the structure of personality traits // Social and Personality Psychology Compass. 2009. V. 3. P. 812–826.
16. McAdams D.P., Olson B.D. Personality development: continuity and change over the life course // Annu. Rev. Psychol. 2010. V. 61. P. 517–542.
17. McCrae R.R., Costa P.T.Jr., Terracciano A. et al. Personality trait development from age 12 to age 18: longitudinal, cross-sectional, and cross-cultural analyses // J. Pers. Soc. Psychol. 2002. V. 83. № 6. P. 1456–1468.
18. Merenakk L., Harro M., Kiive E. et al. Association between substance use, personality traits, and platelet MAO activity in preadolescents and adolescents // Addictive behaviors. 2003. V. 28. № 8. P. 1507–1514.
19. Miller J.D., Lynam D.R., Jones S. Externalizing behavior through the lens of the five-factor model: a focus on agreeableness and conscientiousness // J. Pers. Assess. 2008. V. 90. № 2. P. 158–164.
20. Ozer D., Benet-Martinez V. Personality and the prediction of consequential outcomes // Annu. Rev. Psychol. 2006. V. 57. P. 401–421.
21. Pullmann H., Raudsepp L., Allik J. Stability and change in adolescents' personality: A longitudinal study // Eur. J. Pers. 2006. V. 20. № 6. P. 447–459.
22. Roberts B.W., Walton K. E., Viechtbauer W. Patterns of mean-level change in personality traits across the life course: A meta-analysis of longitudinal studies // Psychological Bulletin. 2006. V. 132. P. 3–25.
23. Ruiz M.A., Pincus A.L., Schinka J.A. Externalizing pathology and the five-factor model: A meta-analysis of personality traits associated with antisocial personality disorder, substance use disorder, and their co-occurrence // J. Pers. Disord. 2008. V. 22. P. 365–388.
24. Rutter M., Taylor E. Child and Adolescent Psychiatry (4th edn.). Blackwell Science Ltd, 2006. 1209 p.
25. Sherry A., Henson R.K., Lewis J.G. Evaluating the appropriateness of college-age norms for use with adolescents on the NEO Personality Inventory-Revised // Assessment. 2003. V. 10. P. 71–78.
26. Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A. Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // Int. J. Behavioral Development. 2010. V. 34. № 5. P. 441–451.
27. Smetana J.G., Campione-Barr N., Metzger A. Adolescent development in interpersonal and societal contexts // Annu. Rev. Psychol. 2006. V. 57. P. 255–284.
28. Somerville L.H., Jones R.M., Casey B.J. A time of change: Behavioral and neural correlates of adolescent sensitivity to appetitive and aversive environmental cues // Brain and Cognition. 2010. V. 72. P. 124–133.
29. Soto C.J., John O.P., Gosling S.D., Potter J. Age differences in personality traits from 10 to 65: Big Five domains and facets in a large cross-sectional sample // Journal of Personality and Social Psychology. 2011. V. 100. P. 330–348.
30. Spear L.P. Rewards, aversions and affect in adolescence: Emerging convergences across laboratory animal and human data // Developmental Cognitive Neuroscience. 2011. V. 1. P. 390–403.
31. Steinberg L. A dual systems model of adolescent risk-taking // Dev. Psychobiol. 2010. V. 52. P. 216–224.
32. Steinberg L. Cognitive and affective development in adolescence // Trends in Cognitive Sciences. 2005. V. 9. № 2. P. 69–74.
33. Steinberg L., Morris A.S. Adolescent development // Annu. Rev. Psychol. 2001. V. 52. P. 83–110.

Personality Trait Changes in Adolescence: A Literature Review¹

O.A. Akhmetova

researcher at the Research Institute of Physiology, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences

E.R. Slobodskaya

PhD in Psychology, associate professor, chief researcher at the Research Institute of Physiology, Siberian Branch of the Russian Academy of Medical Sciences

This review summarizes the outcomes of empirical studies on the changes in the average level of the Big Five personality traits over adolescence. Most data indicate that openness, conscientiousness, agreeableness and extraversion increase in adolescence, while neuroticism decreases. Normative changes in the level of personality traits in this period reflect the development of psychological maturity and adaptation in adolescents and are interlocked with the solution of main developmental tasks of that age. In some cases, though, negative patterns may arise (usually in early and middle adolescence), reflecting the specific difficulties of the adolescent years. Normative changes in personality traits are grounded in biological maturation, socialization and contextual factors. Adolescence is a sensitive period for the formation of both adaptive and non-adaptive developmental patterns.

Keywords: adolescents, personality traits, Big Five, changes in average level, normative changes.

References

1. *Gudman R., Skott S.* Detskaia psikhiairiia. [Child Psychiatry]. — Moscow: "Triada-X", 2008 — 405 p.
2. *Psikhologiia podrostka. Polnoe rukovodstvo.* [Psychology teenager. Complete Guide]. Pod obshchei redaktsiei A.A. Reana. — St. Petersburg.: Praim-EVROZNAK, 2008. — 504 p.
3. *Allik J., Laidra K., Realo A., Pullmann H.* Personality development from 12 to 18 years of age: Changes in mean levels and structure of traits // *Eur. J. Pers.* 2004. V. 18. № 6, P. 445–462.
4. *Branje S.J., van Lieshout C.F., Gerris J.R.M.* Big Five personality development in adolescence and adulthood // *Eur. J. Pers.* 2007. V. 21, P. 45–62.
5. *Caspi A., Shiner R.L.* Personality development // *Handbook of child psychology. Social, emotional, and personality development.* 2006. V. 3. pp. 300–365. New York: Wiley.
6. *Casey B.J., Jones R.M., Hare T.A.* The Adolescent Brain // *Annals of the New York Academy of Sciences.* 2008. V. 1124, P. 111–126.
7. *Corr P.J., Matthews G.* The Cambridge handbook of personality psychology. New York: Cambridge University Press, 2009. — 850 p.
8. *Costa P.T.Jr., McCrae R.R., Martin A.T.* Incipient adult personality: the NEO-PI-3 in middle school-aged children // *BRIT J DEV PSYCHOL.* 2008. V. 26. № 1, P. 71–89.
9. *Crosnoe R., Johnson M.K.* Research on adolescence in the twenty-first century // *Annu. Rev. Sociol.* 2011. V. 37, P. 439–460.
10. *DeFruyt F., Bartels M., Van Leeuwen K.G. et al.* Five types of personality continuity in childhood and adolescence // *JPSP.* 2006. V. 91. №3, P. 538–552.
11. *Hong R.Y., Paunonen S.V.* Personality traits and health-risk behaviours in university students // *Eur. J. Pers.* 2009. V. 23. № 8, P. 675–696.
12. *Jones S.E., Miller J.D., Lynam D.R.* Personality, antisocial behavior, and aggression: a meta-analytic review // *J Crim Justice.* 2011. V. 39, P. 329–337.
13. *Klimstra T.A., Hale W.W., Raaijmakers Q.A. et al.* Maturation of personality in adolescence // *JPSP.* 2009. V. 96, P. 898–912.
14. *Kotov R., Gamez W., Schmidt F., Watson D.* Linking "big" personality traits to anxiety, depressive, and substance use disorders: A meta-analysis // *Psychological Bulletin.* 2010. V. 136, P. 768–821.
15. *Markon K.E.* Hierarchies in the structure of personality traits // *Social and Personality Psychology Compass.* 2009. V. 3, P. 812–826.
16. *McAdams D.P., Olson B.D.* Personality development: continuity and change over the life course // *Annu. Rev. Psychol.* 2010. V. 61, P. 517–542.
17. *McCrae R.R., Costa P.T. Jr., Terracciano A. et al.* Personality trait development from age 12 to age 18: longitudinal, cross-sectional, and cross-cultural analyses // *J Pers Soc Psychol.* 2002. V. 83. № 6, P. 1456–1468.
18. *Merenakk L., Harro M., Küive E. et al.* Association between substance use, personality traits, and platelet MAO activity in preadolescents and adolescents // *Addictive behaviors.* 2003. V.28. № 8, P. 1507–1514.
19. *Miller J.D., Lynam D.R., Jones S.* Externalizing behavior through the lens of the five-factor model: a focus on agreeableness and conscientiousness // *J Pers Assess.* 2008. V. 90. № 2, P. 158–164.
20. *Ozer D., Benet-Martinez V.* Personality and the prediction of consequential outcomes // *Annu. Rev. Psychol.* 2006. V. 57, P. 401–421.

¹ The research was conducted with the assistance of the Russian Foundation for Humanities (grant №11-06-00517) and the Russian Foundation for Basic Research (grant № 13-06-00156).

21. *Pullmann H., Raudsepp L., Allik J.* Stability and change in adolescents' personality: A longitudinal study // *Eur. J. Pers.* 2006. V. 20. № 6, 447–459.
22. *Roberts B.W., Walton K.E., Viechtbauer W.* Patterns of mean-level change in personality traits across the life course: A meta-analysis of longitudinal studies // *Psychological Bulletin.* 2006. V. 132, P. 3–25.
23. *Ruiz M.A., Pincus A.L., Schinka J.A.* Externalizing pathology and the five-factor model: A meta-analysis of personality traits associated with antisocial personality disorder, substance use disorder, and their co-occurrence // *J Pers Disord.* 2008. V. 22, P. 365–388.
24. *Rutter M., Taylor E.* *Child and Adolescent Psychiatry* (4th edn.) – Blackwell Science Ltd, 2006. – 1209 p.
25. *Sherry A., Henson R.K., Lewis J.G.* Evaluating the appropriateness of college-age norms for use with adolescents on the NEO Personality Inventory-Revised // *Assessment.* 2003. V. 10, P. 71–78.
26. *Slobodskaya H.R., Akhmetova O.A.* Personality development and problem behavior in Russian children and adolescents // *Int. J. Behavioral Development.* 2010. V. 34. № 5, P. 441–451.
27. *Smetana J.G., Campione-Barr N., Metzger A.* Adolescent development in interpersonal and societal contexts // *Annu. Rev. Psychol.* 2006. V. 57, P. 255–284.
28. *Somerville L.H., Jones R.M., Casey B.J.* A time of change: Behavioral and neural correlates of adolescent sensitivity to appetitive and aversive environmental cues // *Brain and Cognition.* 2010. V. 72, P. 124–133.
29. *Soto C.J., John O. P., Gosling S. D., Potter J.* Age differences in personality traits from 10 to 65: Big Five domains and facets in a large cross-sectional sample // *JPSP.* 2011. V. 100, P. 330–348.
30. *Spear L.P.* Rewards, aversions and affect in adolescence: Emerging convergences across laboratory animal and human data // *Developmental Cognitive Neuroscience.* 2011. V. 1, P. 390–403.
31. *Steinberg L.* A dual systems model of adolescent risk-taking // *Dev Psychobiol.* 2010. V. 52, P. 216–224.
32. *Steinberg L.* Cognitive and affective development in adolescence // *Trends in Cognitive Sciences.* 2005. V. 9. № 2, P. 69–74.
33. *Steinberg L., Morris A.S.* Adolescent development // *Annu. Rev. Psychol.* 2001. V. 52, P. 83–110.